

«Она же, все та же анархия, - восклицает Бриссо все в том же памфлете, - создала революционную власть в войске». «Кто усомнится теперь, - говорит он, - в страшном вреде, который принесла нашему войску анархическая доктрина, *стремящаяся под сенью равенства в правах установить всемирное и фактическое равенство*, которое постольку же является бичом для общества, поскольку первое составляет его основу? Анархическая доктрина хочет уравнять талант и невежество, добродетели и пороки, места, жалования, заслуги».

Этого-то бриссотинцы никогда и не могли простить анархистам: равенство в *правах*, еще куда ни шло, лишь бы оно никогда не стало равенством на *деле*. Бриссо поэтому с величайшим негодованием говорит о землекопах парижского лагеря, потребовавших однажды, чтобы плата, которую получают депутаты, была уравнена с той, которую получают они!! Подумать только! Бриссо и какой-нибудь землекоп поставлены на равную ногу! Не в *правах* только, а *фактически* !. Еще бы не злодеи эти анархисты!

Каким же путем удалось, однако, анархистам достигнуть такого влияния, что они господствуют даже в страшном Конвенте и диктуют ему его решения?

Бриссо объясняет это в своих памфлетах. *Галереи* Конвента, куда пускают посторонних, парижский *народ*, и парижская *Коммуна* являются, говорит он, хозяевами и оказывают давление на Конвент всякий раз, когда ему предстоит принять какую-нибудь революционную меру.

Вначале, рассказывает Бриссо, Конвент вел себя очень благоразумно. «Вы увидите тут, - говорит он, - большинство Конвента, чистое, здоровое, верное принципам, постоянно обращающее свои взоры к закону». Все предложения, клонящиеся к унижению, к уничтожению «нарушителей порядка», принимались тогда «почти единогласно».

Можно себе представить, каких революционных результатов можно было ожидать от этих представителей, постоянно обращавших свои взоры к закону, монархическому и феодальному. К счастью, в дело вмешались «анархисты». Но они поняли, что их место не в Конвенте, среди представителей, а *на улице*; что если по временам они явятся в Конвент, то не для того, чтобы вести переговоры с правыми, или с «болотными лягушками», а для того, чтобы *требовать* то, что им нужно, с трибун, открытых для публики, или же вместе с народной толпой, когда она врывается в Конвент и выражает свою волю.

Таким образом, мало-помалу «разбойники (Бриссо имеет в виду «анархистов») дерзко подняли голову. Из обвиняемых они превратились в обвинителей, из немых зрителей наших прений - в вершителей их судеб». «Ведь у нас идет революция!» - таков их обычный ответ.

И вот приходится признать, что те, кого Бриссо называл «анархистами», обнаружили, однако, большую дальновидность и большую политическую мудрость, чем разношерстная толпа членов Конвента, претендовавшая на управление Францией. Чем была бы теперь Франция, если бы ее революция кончилась торжеством бриссотинцев, не уничтожив феодального строя и не возвратив сельским общинам отнятые у них королями и дворянами земли?

Но, может быть, Бриссо выставляет где-нибудь какую-нибудь программу, показывающую, что предлагали жирондисты для того, чтобы положить конец феодальному строю и вызываемой им борьбе? Может быть, в решительный момент, когда в конце мая 1793 г. парижский народ стал требовать изгнания жирондистов из Конвента, Бриссо или кто-нибудь из жирондистов сказал, наконец, какие меры думают они принять, чтобы удовлетворить, хотя бы отчасти, самым насущным нуждам народа?

Нигде ничего этого нет!

Жирондистская партия решает весь вопрос, заявляя, что дотронуться до собственности, будь она хоть феодальная, хоть буржуазная, - значит быть «уравнителем», «нарушителем порядка», «анархистом»; а люди такого рода должны быть просто-напросто истреблены.

«До 10 августа, - пишет Бриссо, - дезорганизаторы были настоящими революционерами; потому что для того, чтобы быть республиканцем, нужно было дезорганизовать. Теперешние же дезорганизаторы - настоящие контрреволюционеры, враги народа, потому что теперь народ - хозяин положения... Чего же еще остается ему желать? Внутреннего спокойствия, потому что только это спокойствие обеспечивает собственнику его собственность, рабочему - его работу, бедняку - хлеб насущный, а всем вообще - пользование свободой»¹.

¹ *Brissot J. P. A tous les republicains de France. — In: Brissot J. P. A tous ces commettants. Londres, 1794.*